

Международные специальные операции: понятие, проблемы международно-правового сопровождения, противодействие вызовам и угрозам безопасности государств

Аннотация. Проблема реализации и международно-правового сопровождения специальных операций является закономерной, исторически обусловленной и фактически выходящей из конвенциональной сферы действия международного права. По сути, это формирующийся международный обычай, основанный на практике государств в отстаивании национальных интересов в условиях конкурирующей юрисдикции, легализации ресурсов «теневой» экономики, распространения Даркнета, освоения новых способов и средств ведения войны и ее пропаганды. Транснационализация организованной преступности, ее связи с международным терроризмом, коррупцией, киберпреступностью, попытки строить национальные системы безопасности за счет безопасности других, деструктивная идеология национального доминирования, сопровождаемая «приватизацией» государственного суверенитета негосударственными субъектами, обосновывает практику реализации специальных операций против действующих и вновь создаваемых экзистенциальных вызовов и угроз безопасности государств.

Институализация некоторых видов международных специальных операций очевидна, базируется на положениях Устава ООН, многосторонних и двусторонних соглашениях, соотносится с деятельностью региональных систем безопасности (Организация Договора о коллективной безопасности — ОДКБ, Организация Североатлантического договора — НАТО, Лига арабских государств — ЛАГ, Организация американских государств — ОАГ, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ и др.). Уникальность специальных операций в каждом конкретном случае, невозможность их абсолютного правового урегулирования, особенно в военно-политической сфере, ставит вопрос о необходимости пересмотра ряда положений Устава ООН как малоэффективных, формировании новых (однополярных) региональных механизмов контроля за их реализацией, активизации специальных научных исследований в данной сфере.

Ключевые слова: международные специальные операции; международное право; безопасность государств; вызовы и угрозы; международно-правовое сопровождение; обеспечение национальной безопасности; суверенитет государства; региональная безопасность; международная безопасность.

Для цитирования: Меркушин В. В. Международные специальные операции: понятие, проблемы международно-правового сопровождения, противодействие вызовам и угрозам безопасности государств // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 112–129. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.112-129.

© Меркушин В. В., 2022

* Меркушин Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета международных отношений Белорусского государственного университета
пр. Независимости, д. 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030
valdshin@mail.ru

International Special Operations: Concept, Problems of International Legal Support, Countering Challenges and Threats to the Security of States

Vladimir V. Merkushin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Doctoral student, Faculty of International Relations, Belarusian State University
pr. Nezavisimosti, d. 4, Minsk, Belarus, 220030
valdshin@mail.ru

Abstract. The problem of the implementation of international legal support of special operations is a natural, historically determined and in fact staying beyond the conventional scope of international law. In fact, this is an emerging international custom based on the practice of states in defending national interests in conditions of competing jurisdiction, the legalization of the resources of the «shadow» economy, the spread of the Darknet, the development of new ways and means of warfare and its propaganda. The transnationalization of organized crime, its links with international terrorism, corruption, cybercrime, attempts to build national security systems at the expense of the security of others, the destructive ideology of national domination, accompanied by the «privatization» of state sovereignty by non-state actors, substantiates the practice of implementing special operations against existing and newly created existential challenges and threats to the security of states.

The institutionalization of some types of international special operations is obvious, based on the provisions of the UN Charter, multilateral and bilateral agreements, correlates with the activities of regional security systems (Collective Security Treaty Organization — CSTO, North Atlantic Treaty Organization — NATO, League of Arab States — LAS, Organization of American States — OAS, Organization for Security and Co-operation in Europe — OSCE, etc.). The uniqueness of special operations in each specific case, the impossibility of their absolute legal settlement, especially in the military-political sphere, raises the question of the need to revise a number of provisions of the UN Charter as ineffective, the formation of new (unipolar) regional mechanisms for monitoring their implementation, the activation of special scientific research in this area.

Keywords: international special operations; international law; state security; challenges and threats; international legal support; national security; state sovereignty; regional security; international security.

Cite as: Merkushin VV. Mezhdunarodnye spetsialnye operatsii: ponyatie, problemy mezhdunarodno-pravovogo soprovozhdeniya, protivodeystvie vyzovam i ugrozam bezopasnosti gosudarstv [International Special Operations: Concept, Problems of International Legal Support, Countering Challenges and Threats to the Security of States]. *Lex russica*. 2022;75(12):112-129. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.112-129. (In Russ., abstract in Eng.).

Мир — это не отсутствие войны, это добродетель,
состояние духа, воля к доброжелательности,
доверию, справедливости.

Бенедикт Спиноза

I. В настоящее время не существует единого фиксированного определения международной специальной операции (далее — специальная операция) с точки зрения международного права.

В результате возникают определенного рода интерпретации и претензии к легитимности в отношении такого рода действий со стороны различных государств и международных организаций. Наиболее заметно это проявляется в условиях реализации интересов государств за пределами национальных юрисдикций, на грани умышленного или спровоцированного нарушения принципов и норм международного права противодействующей стороной и ее союзниками, особенно в условиях (пред)кон-

фликтных и постконфликтных споров и ситуаций как внутригосударственного, так и международного характера. Причем нередко и при неоправданном попустительстве специально уполномоченных международных органов и учреждений (например, Совета Безопасности ООН) по их нейтрализации либо предотвращению, с одной стороны. С другой стороны, в результате целенаправленной политики доминирования отдельными ведущими государствами мира (в основном США и их союзниками), либо региональными международными организациями, как правило, созданными данными государствами, сознательно ориентированными на превышение своих уставных положений (например, ст. 5 Устава НАТО).

В этой связи возможно, а в определенных случаях является критически необходимым отнесение специальных операций к тем или иным международно-правовым исключительным мерам *превентивного характера*, воздействующим на конкретные противоправные (враждебные) формы поведения отдельных недружественных субъектов, потенциально угрожающим международному миру и безопасности. Среди них — предотвращение угрозы развязывания агрессивной войны и ее пропаганды, распространение оружия массового поражения, интервенции (военные и гуманитарные), блокады, аннексии, различные формы криминализации территорий и/или их частей¹, захват (уничтожение) лидеров преступных (террористических) организаций, возвращение и декриминализация незаконно вывезенных активов на территорию третьего государства и т.п.

Учитывая тот факт, что международное право в целом запрещает применение вооруженной силы в качестве приоритетной для разрешения споров, конфликтов и ситуаций, выделяя в качестве основополагающих принципов: принцип мирного разрешения международных споров и неприменения силы и угрозы силой (ст. 2 Устава ООН), тем не менее исключать силовой (вооруженный) аспект в этих условиях было бы крайне неразумным. Особенно когда речь идет о суверенитете в его новом качестве — *сильном суверенитете*², а в ряде случаев и о факте самого существования государства как такового.

В последнем случае это продиктовано:

- 1) спецификой современных угроз безопасности государств — их масштабностью, ди-

намикой распространения и особой опасностью возможного (глобального) ущерба общественным отношениям, в том числе в формате коллективной безопасности. Здесь речь идет в первую очередь о вновь возникающих вызовах и угрозах³, к которым общепризнанно относят: международный терроризм и транснациональную организованную преступность, незаконный оборот наркотиков, оружия, организацию незаконной миграции и торговлю людьми, пиратство⁴, а также угрозы кибербезопасности и иное враждебное использование информационно-коммуникационных технологий, экологические преступления, коррупцию и легализацию (отмывание) активов, разжигание расовой и межнациональной розни и пр.;

- 2) в силу определенной цели и специфических задач конкретной (или разрабатываемой) операции, которые ставятся перед уполномоченными субъектами заинтересованных сторон (государств), договаривающихся действовать сообща или ситуативно (согласно оперативной обстановке, вынужденно, в порядке самообороны, как *lex specialis*), но уже в рамках обеспечения национальных интересов. А точнее — в транснациональном сегменте национальной безопасности, с участием (деятельным присутствием) так называемого иностранного фактора (или иностранного элемента⁵);
- 3) вследствие устойчивой тенденции военного (силового) аспекта проводимой специальной операции государством с сильным суверенитетом, ввиду того, что в современных

¹ Довгань Е. Ф. Договорные обязательства частей территории государства // Право.by. 2022. № 1 (75). С. 95–96.

² Выступление Президента РФ В. В. Путина на 25-м Петербургском международном экономическом форуме (ПФЭМ) 17 июня 2022 г.

³ Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности : монография. Минск : Междунар. ун-т «МИТКО», 2016. С. 11.

⁴ Транснациональные угрозы // URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/thematic-areas/transnational-threats/> (дата обращения: 22.06.2022).

⁵ Термин «иностраный (или международный) элемент» — наиболее популярен и широко используется в науке международного частного права. По мнению профессора М. М. Богуславского, здесь имеются в виду «гражданско-правовые отношения, понимаемые в широком смысле слова и выходящие за пределы одного государства». М. М. Богуславский специально подчеркивает, что регулирование гражданско-правовых отношений между лицами (физическими, юридическими, а также с участием государства) каких-либо двух государств тесно связано с общим состоянием внешнеполитических отношений между этими государствами (Богуславский М. М. Международное частное право : учебник. М. : Междунар. отношения, 1994. С. 15). Определенного рода антиподом понятию «иностранный элемент» может выступать понятие «иностранный агент», достаточно активно используемое в современных международ-

условиях отмечается тенденция всё чаще проводить военные операции без санкции Совета Безопасности ООН в связи с бездействием либо низкой эффективностью последнего. Не случайно, согласно терминологии НАТО, *специальные операции* — это военные действия, проводимые специально назначенными, организованными, отобранными, обученными и оснащенными силами с использованием нетрадиционных методов и способов применения⁶.

Поскольку цель данной статьи является обоснование релевантного применения норм международного права для реализации специальных операций как необходимой (вынужденной) меры по поддержанию международного мира, безопасности и правопорядка, укрепления национального суверенитета государств и противодействия вновь возникающим вызовам и угрозам, остановимся более подробно на проблемах формулирования трактовки специальной операции в международном праве.

Следует отметить, что теоретической основой рассмотрения проблематики специальных операций с точки зрения науки международного права послужила система работ белорусского профессора Е. Ф. Довгань, определившей принципиально новое развитие системы координат права международной безопасности с точки зрения инклюзивности и межсекторальных связей различных сфер международного права, дополняемое другими учеными: Н. О. Мороз⁷, И. В. Фисенко⁸, В. Ю. Калугиным⁹ и др. Важное значение в конструировании международно-правового контура специальных операций оказали выводы и рекомендации, предложенные российскими учеными — Ю. Н. Ждановым¹⁰, Д. М. Валеевым¹¹, В. В. Милинчуком¹², К. В. Крицким¹³, В. В. Устиновым¹⁴, Н. Г. Михайловым¹⁵, М. Г. Смирновым¹⁶ и др. Вместе с тем сама постановка проблемы и ее решение были бы ограничены без исследований таких авторов — экспертов в области теории национальной безопасности и правоохранительной

ных отношениях. Иностраный агент — это лицо (физическое или юридическое), которое, будучи резидентом одного государства, действует в интересах другого, и при этом не является его официальным зарубежным представителем (например, не обладает дипломатическим иммунитетом). Практически бесспорным является определенного рода негативный подтекст данного понятия, раскрываемый в отечественных и иностранных источниках (см., например: *Купина Н. А.* Идеологема «иностраный агент»: три дня в июле 2012 года // *Политическая лингвистика*. 2012. № 3. С. 43–48 ; The continued use of the statute [FARA] as a subversive control act means that the term «foreign agent» will continue to carry pejorative connotations // *Harvard Law Review*. 1965. Т. 78. № 3. January. P. 632).

⁶ NATO Standard AJP-5. Allied joint doctrine for the planning of operations. Edition A. Version 2 (May 2019). Brussels: standartization office (NSO).

⁷ *Мороз Н. О.* Международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий. Минск, 2017. С. 5–9.

⁸ *Фисенко И. В.* Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск, 2000. С. 3–4.

⁹ *Калугин В. Ю.* Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления: уголовно-правовой анализ. Минск, 2002. С. 4–8.

¹⁰ *Жданов Ю. Н.* Принудительные меры в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 5–8.

¹¹ *Валеев Д. М.* Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 160–193.

¹² *Милинчук В. В.* Санкции СБ ООН как механизм обеспечения международно-правовой ответственности государств в сфере борьбы с транснациональной преступностью // *Вестник Московского университета МВД России*. 2011. № 8. С. 211–212.

¹³ *Крицкий К. В.* Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 5–6.

¹⁴ *Устинов В. В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С. 141–156.

¹⁵ *Михайлов Н. Г.* Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники, права, основные принципы деятельности. М., 2006. С. 3–8.

¹⁶ *Смирнов М. Г.* Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект. М., 2014. С. 5–10.

деятельности, как С. А. Трахименок¹⁷, В. Г. Гавриленко¹⁸, О. С. Макаров¹⁹, С. В. Верлуп²⁰, А. Л. Баньковский²¹, В. И. Попов²², Р. З. Рувинский²³, а также ряда западных ученых-специалистов, среди которых Х. Нойхольд²⁴, Т. М. Франк²⁵, Д. Д. Виртц²⁶, Л. Билмс²⁷, Л. Робинсон²⁸, М. Брайли²⁹, Б. Бьюзан и Л. Хансен³⁰.

Поскольку предложенная проблематика является достаточно обширной и многогранной, требует дальнейших специальных исследований, как с точки зрения современного международного права, так и других отраслей юридической науки, а также военной и политической доктрины, остановимся на ее наиболее значимых международно-правовых аспектах.

II. Отсутствие единого общепризнанного определения специальных операций обусловлено несколькими важнейшими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, неурегулированностью и/или громоздкостью формулировок тех угроз, против которых направлены или могут быть направлены специальные операции. Это, в частности, касается: международного терроризма³¹, транснациональной организованной преступности³², преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий (киберпреступности)³³, особенно международной безопасности и стратегической стабильности^{34,35}, окончательно неурегулированных вопросов, затрагиваю-

¹⁷ Трахименок С. А. Безопасность государства. Методолого-правовые аспекты. Минск, 1997. С. 4–7.

¹⁸ Гавриленко В. Г. Правовые основы и механизмы обеспечения национальной безопасности и суверенитета Республики Беларусь. Минск, 2019. С. 11.

¹⁹ Макаров О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств — участников Содружества Независимых Государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 3–9.

²⁰ Верлуп С. В. Национальная безопасность на государственной границе: идеи, мнения, предложения. Минск, 2017. С. 6–7.

²¹ Баньковский А. Л. К вопросу о концептуализации в сфере национальной безопасности // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы международной научной конференции, Минск, 2021 г. Минск : БГУ, 2021. С. 35–39.

²² Попов В. И. Актуальные проблемы борьбы с наиболее опасными проявлениями организованной преступности. М., 2004. С. 5–7.

²³ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб., 2020. С. 73–76.

²⁴ Neuhold H. Collective security after «Operation allied force» // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000. Vol. 4. P. 73–106.

²⁵ Frank T. M. Collective security and the UN reform: between the necessary and possible // Chicago J. of Intern. Law. 2005. Vol. 2. P. 597.

²⁶ Wirt J. J. The Abbottabad raid and the theory of special operations Journal of Strategic Studies. 2021. DOI: 10.1080/01402390.2021.1933953 (дата обращения: 27.06.2022).

²⁷ Bilms K. Past as Prelude? Envisioning the Future of Special Operations // URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/11/12/past-as-prelude-envisioning-the-future-of-special-operations> (дата обращения: 27.06.2022).

²⁸ Robinson L. The Future of Special Operations: Beyond Kill and Capture // Foreign Affairs. 2012. 91. No. 6 (Nov.-Dec.). P. 110–122.

²⁹ Brailey M. The Transformation of Special Operations Forces in Contemporary Conflicts: Strategy, Missions, Organisation and Tactics. Land Warfare Studies Centre. Working Paper. No. 127. November 2005. P. 9–16.

³⁰ Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge University Press, 2009. P. 84.

³¹ Довгань Е. Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 3. С. 3.

³² Валеев Д. М. Указ. соч. С. 7.

³³ Овчинский В., Жданов Ю. Организованная киберпреступность // URL: https://zavtra.ru/blogs/organizovannaya_kiberprestupnost_ (дата обращения: 26.06.2022).

³⁴ Арчаков В. Ю., Баньковский А. Л., Зенченко Е. В. Даркнет в контексте рисков национальной безопасности // Право.by. 2021. № 6 (74). С. 5.

щих пропаганду войны в праве международной и национальной безопасности государств³⁶, а нарастающие вызовы и угрозы правам и интересам субъектов информационного взаимодействия существенно влияют на безопасность государств и их союзов³⁷.

В последнем случае этому способствует тот факт, когда *«избирательно трактуется принцип о неделимой безопасности»* (В. Путин).

Во-вторых, амбивалентным (противоположным, двойственным) отношением к пониманию и собственно юридической природе специальных операций. Отсюда, как следствие, может ставиться вопрос об их легитимности. С одной стороны, проведение специальной операции расценивается одним субъектом, против интересов которого она направлена, как противоправное (например, нарушающее принцип невмешательства во внутренние дела государств), а свои действия законными. Наоборот, другой субъект со своей стороны в силу внутреннего законодательства и национальных интересов склонен рассматривать данное поведение как противоправное (агрессивное), единственным способом реагирования на которое является принятие ответных силовых мер (например, контртеррористических), сопровождающееся широкомасштабным использованием информационно-коммуникационных технологий. Формирующееся в последнем случае общественное мнение может стать определяющим в построении правового контура специальной операции.

В-третьих, международно-правовой статус субъектов (как правило, конвенционально неурегулированный либо *ad hoc* решаемый на основе двусторонних соглашений закрытого типа, например в отношении частных военных и охранных кампаний), осуществляющих специальные операции как на «земле» (физиче-

ское), так и в киберпространстве (виртуальное). В первом случае это может быть продиктовано условиями определенной геополитической обстановки, складывающейся на территории конкретного государства, иных территориях (объектах) (военных кораблях, воздушных судах, территориях и помещениях дипломатических и консульских представительств и пр.). Здесь может иметь значение, кто, каким образом, в каком качестве, на каких основаниях, в каких условиях (обстановке) и в каких целях осуществляет мероприятия, характеризующиеся в качестве специальной операции. Это формирует соответствующий вид и объемы юридической ответственности причастных субъектов в случае нарушения ими как иностранного законодательства (нередко и национального законодательства), так и международного права. В киберпространстве особую сложность может представлять идентификация данных субъектов и физическое привлечение причастных лиц к ответственности в случае доказанного правонарушения.

В-четвертых, коллизия юрисдикций (конкурирующая юрисдикция), возникающая в ходе продвижения национальных интересов вопреки иным интересам, реализуемым в противовес международно-правовым стандартам, которые предусматривают принятие соответствующих силовых мер. Существующие формы международного сотрудничества — выдача преступников, оказание правовой помощи, обмен информацией, проведение совместных целевых специальных операций (например, в рамках СНГ³⁸ и ОДКБ³⁹ — «Прокси», «Канал», «Нелегал», «Рубеж», «Антитеррор» и др.), возврат активов, полученных в результате преступной (противоправной) деятельности, нередко подвергаются высоким рискам бюрократизации специально уполномоченных международных

³⁵ Бисмиллах М. Международно-правовой механизм урегулирования внутригосударственных конфликтов как юридическая основа политики национального примирения в Афганистане : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 137.

³⁶ Мороз Н. О. Пропаганда войны в современном международном праве // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности : материалы международного научного форума. Минск, 2020. С. 16–29.

³⁷ Макаров О. С. Указ. соч. С. 3.

³⁸ Межгосударственная программа совместных мер по борьбе с преступностью на 2019–2023 // URL: <https://e-cis.info/cooperation/3192/83381/> (дата обращения: 07.10.2022).

³⁹ Комитет секретарей советов безопасности ОДКБ на заседании 17 июня в Ереване обсудил меры по нейтрализации вызовов и угроз безопасности государств — членов ОДКБ // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/komitet-sekretarey-sovetov-bezopasnosti-odkb-na-zasedanii-17-iyunya-v-erevane-obsudil-mery-po-neytra/#loaded (дата обращения: 09.07.2022).

органов и учреждений, коррумпированности со стороны заинтересованных лиц и воздействий политической сиюминутной конъюнктуры, негативно сказывающимся на своевременном и эффективном принятии решений по актуальным проблемам и связанным с ними задач, особенно при проведении специальных операций.

В-пятых, отсутствием единства по вопросам единой трактовки и правомерности применения международных санкций, несмотря на положения разд. VII Устава ООН, и контрмер (ответных мер), предлагаемых в ч. 1 ст. 30 Проекта статей об ответственности государств⁴⁰, и, как следствие, затруднением отнесения специальных операций к данным международно-правовым институтам. Практика проведения специальных операций в военно-политической сфере, правоохранительной и гуманитарной областях⁴¹ является очевидной, систематической и повсеместной, нередко опережая формирование материальных норм международного права на вновь возникающие риски, вызовы и угрозы безопасности государств.

Поэтому, несмотря на возможные дискуссии и критику правомочности отнесения специальных операций к тем или иным международно-правовым инструментариям, равно как и отождествление международных санкций и контрмер (ответных мер, принудительных мер⁴² и пр.) с формами ответственности государств, представляется целесообразным поставить вопрос об объективном *формировании международного обычая* применения специальных операций, отвечающих современным реалиям развития системы международной безопасности, стратегической стабильности государств и «вытекающих из факта существования множества государств и осознанной ими необходимости вести их взаимные отношения упорядоченным образом»⁴³.

В-шестых, склоняясь к предварительному определению международных специальных операций как *целевых, совместных (коллективных) мер либо односторонних мер, осуществляемых в порядке самообороны в ответ на риски, вызовы и угрозы безопасности государств и стратегической стабильности*, представляется возможным утверждать о формирующейся самостоятельной разновидности специальных операций «*специальные операции транснационального характера*». Транснациональные операции⁴⁴ выражают волю и интересы отдельного государства за пределами национальной юрисдикции в условиях действия в том числе «серого правового поля» (или *аномальных правовых зон*⁴⁵, например Даркнета, с участием субъектов с окончательно не урегулированным правовым статусом), в период вооруженных конфликтов «смешанного» характера (прокси-войн, гибридных войн и пр.), в условиях необоснованного и/или неправомерного применения международных санкций, умышленно ограничивающих национальный суверенитет государства в различных сферах. В частности, односторонние воздействия на экономический сектор могут выражаться в неправомерном «замораживании», аресте и даже конфискации активов как государства, так и отдельных физических и юридических лиц, росте коррупции, активизации контрабандной деятельности в отношении «санкционных» материальных ценностей, товаров и услуг, киберпреступлений в финансово-банковской сфере и, как следствие, масштабном росте «теневой» экономики (в том числе ее наиболее опасной разновидности — «черной» экономики или экономики транснациональной организованной преступности⁴⁶).

Исходя из приведенных суждений относительно понятия и сущности специальных операций с точки зрения международного права,

⁴⁰ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries 2001 // Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part 2. New York : UN 2001. GAOR 56th session. Supplement № 10 (A/56/10). P. 59–62.

⁴¹ Операции ООН по поддержанию мира // URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (дата обращения: 17.08.2022).

⁴² Бирюков П. Н. Международное право : учебное пособие. М. : Юрист, 1998. С. 60, 214–216.

⁴³ Virally M. Panorama du droit contemporain // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1983-V. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1985. Vol. 183. P. 182.

⁴⁴ Interpol summary. Global Strategy on organized and emerging crime // URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Organized-crime> (дата обращения: 09.12.2021). P. 3.

⁴⁵ Neuman G. L. Anomalous Zones // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. No. 5. P. 1197–1234.

⁴⁶ Годунов И. В. Противодействие организованной преступности : учебное пособие. М., 2003. С. 134.

особо выделим их комплементарный характер. Это вызвано собственно операционалистским подходом к их восприятию. Последний, согласно позиции британских ученых Н.-Р. Кэмбелла и П.-У. Бриджмена, состоит в обязательном требовании к характеру проведения любых физических операций как операций измерения (т.е. инструментальности), отражающих физическую реальность, с одной стороны; с другой стороны — это универсальный способ формирования теоретических понятий, включая в них умственные операции (вербальные операции и манипуляции с символами), осуществляемые в эмпирических условиях применимости⁴⁷.

В нашем случае, особенно принимая во внимание доктринальные подходы, предлагаемые представителями постсоветской и западной юридической науки в исследованиях современных проблем безопасности государств (например, Е. Ф. Довгань⁴⁸, В. И. Устинов⁴⁹, М. Брайли⁵⁰, Б. Уркхарт⁵¹, Д. Э. Льюис⁵² и др.), специальные операции можно рассматривать с таких позиций, как:

— **комплексный способ** (*modus operandi*) совместных мер по идентификации, установлению и нейтрализации организаторов и активных участников (лидеров) транснациональной преступной деятельности, осуществляемой в международном масштабе, методами контролируемой поставки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения, электронного наблюдения, равно как реализации оперативных материалов на участников международных преступных групп и мер по пресечению (нейтра-

лизации) их деятельности⁵³. В качестве примера можно привести международную операцию «Пангея XV», проводившуюся с 23 июня 2022 г. Данная операция реализовывалась под эгидой Интерпола в 94 странах по противодействию торговле незаконными фармацевтическими препаратами и медицинскими товарами, продаваемыми через Интернет. Так, только с 23 по 30 июня 2022 г. правоохранительными органами данных стран было конфисковано более 7 800 незаконных и фальшивых лекарств и товаров медицинского назначения общим объемом более 3 млн единиц, пресечена деятельность как минимум 36 транснациональных организованных преступных групп⁵⁴. Примечательно, что операция «Пангея XV» получила поддержку со стороны ряда институциональных органов и организаций — Европола, Программы УНП ООН и ВТамО по контролю контейнеров (UNODC-WCO Container Control Programme), Института фармацевтической безопасности (Россия) и др. Необходимо отметить, что практика проведения данного рода операций, по сути, началась с момента образования Интерпола (официально с 1956 г.) и активно развивается до сих пор;

— **тактическая задача** (в определенных случаях в юридической науке может использоваться термин «тактическая операция»⁵⁵), выполняемая в рамках реализации комплекса мер (традиционно в международном праве — миротворческие и принудительные меры, согласно ст. 41, 42 и 48 Устава ООН⁵⁶),

⁴⁷ Хилл Т. И. Современные теории познания : пер. с англ. М. : Прогресс, 1965. С. 327–330.

⁴⁸ Довгань Е. Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер... С. 3.

⁴⁹ Устинов В. В. Указ. соч. С. 44.

⁵⁰ Brailey M. Op. cit. P. 5.

⁵¹ Привод. по: Смирнов М. Г. Указ. соч. С. 84–85.

⁵² Льюис Д. Э. Нормы и подотчетность. Безопасность и международное сотрудничество в киберпространстве // Сборник докладов участников 15-го Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». М., 2021. С. 51–53.

⁵³ Родевич В. Ч., Тупеко С. С. Транснациональная преступность: теория и практика борьбы в Республике Беларусь. Минск, 2012. С. 104.

⁵⁴ USD 11 million in illicit medicines seized in global INTERPOL operation // URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/USD-11-million-in-illicit-medicines-seized-in-global-INTERPOL-operation> (дата обращения: 14.08.2022).

⁵⁵ Басецкий И. И. Тактические операции в ОРД // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2009. № 2 (18). С. 54–57.

⁵⁶ Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 17.08.2022).

направленных на достижение общей стратегической цели — восстановления и поддержания международного мира и безопасности в определенном регионе. Как, например, это происходило в ходе военной операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане (от англ. Enduring Freedom), объявленной 7 октября 2001 г. в ответ на теракты 11 сентября и декларируемой правительством США, а также странами НАТО в качестве Глобальной войны с терроризмом⁵⁷. Частными эпизодами (тактико-специальными задачами) здесь выступали операция «Страж свободы», реализованная подразделениями американского спецназа, а также операция «Решительная поддержка», выполняемая местными силовыми структурами при поддержке советников стран НАТО. Причем в итоге заявленная цель и поставленные задачи достигнуты и решены не были, о чем наглядно свидетельствовал «скоропостижный» выход коалиции из Афганистана в августе 2021 г. Иная ситуация произошла в ходе миротворческой миссии в январе 2022 г. по охране наиболее важных государственных и стратегических объектов Казахстана и оказанию помощи в поддержании правопорядка. Так, согласно ст. 4 Договора о коллективной безопасности 1992 г. и в соответствии со ст. 51 Устава ООН, по запросу Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, заявившего о наличии террористической угрозы⁵⁸, вызванной массовыми протестами, переросшими в Алма-Ате в вооруженные столкновения протестующих с правительственными силами. В результате ввода миротворческих сил ОДКБ (России, Беларуси, Армении, Киргизии и Таджикистана) ситуация в городе и затем

по стране была стабилизирована и взята под контроль правительственными войсками. В последовавшем заявлении 11 января 2022 г. Президента Казахстана было сказано об успешном завершении миротворческой миссии ОДКБ с 13 января 2022 г.⁵⁹;

- **стандарт поведения**, основанный на всеобщей практике сильных государств⁶⁰ и *opinio juris* (убеждение, что правило является юридическим), образуя согласно пп. «б» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН международный обычай⁶¹, несмотря на специфические условия ограниченного (или сознательно ограничиваемого) правового пространства. Пример, военная операция России в ходе гражданской войны в Сирии (*специальные задачи на территории Сирийской Арабской Республики*)⁶², начавшаяся 30 сентября 2015 г. против террористических формирований «Аль-Каиды», «Исламского государства» и «Джебхат ан-Нусра» на стороне правительства Башара Асада и реализуемая в рамках двусторонних договоренностей России и САР. Ограниченность правового пространства здесь определялась тем, что, наряду с правительством Б. Асада, существовал альтернативный ему оппозиционный Сирийский национальный совет, признаваемый тремя постоянными членами Совета Безопасности ООН (США, Великобритания, Франция)⁶³. Однако Российская Федерация, будучи также постоянным членом Совета Безопасности ООН, рассматривая правительство Б. Асада как легитимное, обладавшее фактической государственной властью в Сирии (хотя и не на всей территории), сохранившее управление в столице и контроль над «стратегическим

⁵⁷ The Global War on Terrorism: The First 100 Days // URL: <https://2001-2009.state.gov/s/ct/rls/wh/6947.htm> (дата обращения: 17.08.2022).

⁵⁸ ОДКБ направит Коллективные миротворческие силы организации в Казахстан // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13360605?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.org (дата обращения: 08.10.2022).

⁵⁹ Токаев назвал сроки вывода миротворцев ОДКБ из Казахстана // РИА Новости. 11 января 2022.

⁶⁰ Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности. С. 75 ; Chesterman S. Just war or just peace? Humanitarian intervention and international law. New York : Oxford University Press, 2001. P. 220.

⁶¹ Статут Международного Суда ООН // URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 15.08.2022).

⁶² Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (в ред. от 04.08.2022) // URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12011995-n-5-fz-o/> (дата обращения: 09.08.2022).

⁶³ Perisic P. Invitation by Intervention — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? // URL: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29> (дата обращения: 18.08.2022).

ядром» страны⁶⁴, ответило согласием на официальную просьбу Б. Асада о военной помощи и приняло решение о проведении соответствующей военной операции экспедиционного типа. При этом действуя на основании Договора «О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой» от 08.10.1980, руководствуясь национальными интересами в данном регионе и понимая дискуссионность вопроса⁶⁵ о недопустимости принятия приглашений от правительств по поводу вмешательства во внутренние гражданские конфликты;

— **внешняя форма инерции [правовой] традиции**⁶⁶ (или инерции мышления⁶⁷), обусловленная способностью [агрессивного] отстаивания силовыми методами национальных интересов, демонстративно игнорируя основополагающие принципы и нормы международного права (парадокс действий). Так, например, на протяжении 1998 г., во время ситуации в Косово, страны НАТО в ходе военной операции «Союзная сила» (от англ. Operation Allied Force) хотя и предпочли бы руководствоваться санкцией Совета Безопасности ООН, но демонстрировали свою готовность действовать и без нее. В этой связи заслуживает внимания весьма двусмысленное признание Международной комиссии по Косово в 1999 г. данной операции как интервенции: «Комиссия заключает, что военная интервенция НАТО являлась незаконной, но легитимной. Она была незаконна, поскольку не получила предварительного одобрения Совета Безопасности ООН... Комиссия считает, что вмешательство было оправданным, потому что все дипломатические средства были исчерпаны, и интервенция привела к освобождению большинства населения Косова

от длительного периода притеснений под властью Сербии»⁶⁸. Аналогичный пример — военная операция «Иракская свобода» (от англ. Iraqi Freedom), которая была начата 20 марта 2003 г. с целью лишить Ирак оружия массового уничтожения, положить конец поддержке международного терроризма Саддамом Хусейном (Аль-Каиде) и освободить иракский народ. В данном случае, помимо отсутствия соответствующего мандата Совета Безопасности, последовало еще и резонансное заявление Генерального Секретаря ООН К. Аннана, озвученное в интервью «Би-Би-Си» в 2004 г. о «незаконности вторжения США в Ирак»⁶⁹.

Отсюда с точки зрения международного права и устойчивой практики специальные операции можно классифицировать на три основных вида:

- 1) специальные военные операции;
- 2) специальные гуманитарные (миротворческие) операции (миссии);
- 3) специальные полицейские операции (международные тактические операции по борьбе с преступностью).

Соответственно, выделяются и три уровня реализации специальных операций, исходя из конкретных целей и задач, стоящих перед ними:

- 1) стратегический; 2) оперативный; 3) тактический.

При этом вполне допустимы и иные подходы к классификации международных специальных операций, требующие отдельных научных исследований с позиций как международного права, так и прочих юридических и иных наук современной области знаний.

Нередко специальные операции могут носить комплексный (многокомпонентный⁷⁰) характер, как на стадии планирования, так в ходе приобретения такого качества исходя из складывающейся обстановки (политической,

⁶⁴ Allison R. Russian Revisionism, Legal Discourse and the 'Rules-Based' International Order // Europe-Asia Studies. 2020.07.02. Vol. 72. Iss. 6. P. 976–995. DOI: 10.1080/09668136.2020.1773406.

⁶⁵ Visser L. Intervention by invitation and collective self-defence: two sides of the same coin? // Journal on the Use of Force and International Law. 2020.07.02. Vol. 7. Iss. 2. P. 292–316. DOI: 10.1080/20531702.2020.1834767.

⁶⁶ Карпец И. И. Преступления международного характера. М. : Юрид. лит., 1979. С. 124.

⁶⁷ Трахimenok C. A. Указ. соч. С. 148.

⁶⁸ The Kosovo report: conflict, international response, lessons learned // By Independent International Commission on Kosovo. URL: urn:lcp:kosovoreportconf0000inde:lcpdf:f0582b0b-0e85-4086-8457-5450077e7f9c (дата обращения: 18.08.2022).

⁶⁹ Excerpts: Annan interview 16.09.2004 // URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3661640.stm (дата обращения: 13.08.2022).

⁷⁰ Международное публичное право. Особенная часть : учебное пособие / Ю. П. Бровка [и др.] ; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. Минск : Амалфея, 2011. С. 483.

военно-политической (оперативной)) и прочих взаимосвязанных событий. Данному фактору способствует их изначально закрытый (секретный) характер⁷¹, как на стадии подготовки (планирования), так и, возможно, в процессе реализации, в целях достижения максимальной эффективности любыми способами и средствами⁷² и без ограничений по времени исполнения. Пример, операции Израиля «Весна молодости» и «Гнев божий» в ответ на террористический акт, совершенный во время

Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 г. членами террористической палестинской организации «Черный сентябрь» против представителей израильской олимпийской сборной. В результате жертвами стали 17 человек. Премьер-министр Израиля Г. Меир и комитет обороны Израиля отдали специальный секретный приказ спецслужбе «Моссад» о физической ликвидации 13 лиц, прямо или косвенно причастных к данному теракту⁷³. Считается, что данная операция продолжалась около 20 лет.

⁷¹ С правовой точки зрения *секретная операция* может быть охарактеризована как комплекс неформальных (закрытых) мероприятий, проводимых под патронажем официальных органов государства, осуществляемых какой-либо военной или гражданской организацией (группой лиц или отдельными лицами на контрактной основе) в режиме высокой секретности, не имеющих статуса стандартного военного (иногда полицейского) протокола и формирующихся за счет противозаконных средств, т.е. «черного бюджета». В этой связи заслуживает интереса позиция американского исследователя М. Е. Боумана, который секретные операции подразделяет на скрытые (англ. — covert) и тайные (англ. — clandestine). В первом случае речь идет о мероприятиях, факт проведения которых скрыть невозможно, поэтому они сопровождаются мерами (как правило, политическими), чтобы скрыть или отрицать ответственность за их совершение («правдоподобное отрицание»). Во втором случае важна приоритетность того, чтобы именно факт проведения операции как таковой был незаметен (*Bowman M. E. Secrets in Plain View: Covert Action the US Way // International Law Studies Series. US Naval War College 72(1998):1. 16 p.*). Другой американский ученый-эксперт Э. Мамфорд, исследуя природу прокси-войн (или войн «чужими руками»), с одной стороны, подходит к проблеме секретных операций, отграничивая их от прокси-войн, с другой стороны, констатирует необходимость применения секретных операций в указанных войнах (*Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge : Polity Press, 2013. P. 13*). Суммируя вышесказанное, отметим, что если речь не идет об объявленной войне, основанной на констатации факта агрессии со стороны Совета Безопасности ООН, то правомочно говорить о практике проведения военных операций в специальных формах реализации в частно-конкретных случаях и в определенных ситуациях (обстановке). Вместе с тем в современных условиях неоправданного игнорирования (интерпретирования) решений Совета Безопасности ООН, с точки зрения практики отстаивания (транс)национальных интересов и достижения стратегической стабильности, успешная реализация специальных военных операций наиболее возможна государством с «сильным суверенитетом». Однако это несколько не свидетельствует о том, что международно-правовые стандарты должны быть хоть сколько-нибудь не соблюдены.

⁷² Остается пока открытым с международно-правовой точки зрения вопрос об установлении заказчиков и исполнителей взрывов на российских трубопроводах «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» от 26.09.2022. В этой связи заслуживают самого пристального внимания заявления Президента России В. Путина, назвавшего однозначно и небезосновательно данные события «беспрецедентной диверсией, а по сути — акт международного терроризма...» (см.: Путин заявил Эрдогану о «беспрецедентной диверсии» на «Северных потоках» // URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6335db879a79479dee2e775c> (дата обращения: 29.09.2022)). Последовавший террористический акт 8 октября 2022 г. на Керченском мосту, по сути, немедленно определил своих заказчиков и исполнителей, особенно учитывая тот факт, что попыток его скрыть либо перевести формат ответственности на иную сторону не последовало. Вместе с тем в первом случае косвенные признаки и мотив сразу указали на причастность спецслужб стран НАТО, а именно США и Великобритании; во втором случае украинская сторона публично подтвердила успех своей очередной операции. Соответственно, вопрос о согласовании и проведении данного теракта Украины с указанными бенефициарами является бесспорным, равно как атака и скорое потопление российского ракетного крейсера «Москва» двумя противокорабельными ракетами «Нептун» украинского производства в ночь с 13 на 14 апреля 2022 г. по меньшей мере с тем же кругом заинтересованных участников.

⁷³ Опубликованы неизвестные подробности теракта на Олимпиаде в Мюнхене и операции по ликвидации боевиков // URL: <http://palm.newsru.com/world/25jan2006/munich.html> (дата обращения: 25.08.2022).

Не вдаваясь подробно в анализ каждой из вышеуказанных видов операций, как правило, реализуемых в различных симбиотических связях (например, война и секретная операция⁷⁴, вооруженный конфликт и кибероперации⁷⁵, антитеррористические меры и борьба с терроризмом и преступлениями террористического характера⁷⁶, борьба с транснациональной преступностью и международные тактические операции⁷⁷ и пр.), отметим дополнительно некоторые принципиально важные проблемы их международно-правового сопровождения (как на начальной стадии, в процессе реализации, так и по завершению).

Дело в том, что традиция проведения любых международных специальных операций (военных, полицейских и пр.) имеет достаточно шаткие правовые основания, как правило, компенсируемые обоснованием защиты прав человека, противодействия «антидемократическим режимам» в той или иной стране, борьбой с потенциальными угрозами (агрессией, геноцидом, терроризмом, транснациональной преступностью и пр.)⁷⁸. При этом международные акторы (зачастую сообща с негосударственными акторами), осуществляя данные операции, указывают не столько на легальные (с позиции международного права), сколько на легитимные, с их точки зрения, основания, направленные против «незаконного врага» (*hostis inustus*)⁷⁹. Пример — проведение операций США и их союзников по НАТО в гражданской войне в Ливии начиная с февраля 2011 г. без соответствующего мандата ООН. В противовес этому отметим тот факт, что вышеуказанное участие России в событиях в Сирии выглядит более убедительно хотя бы с позиции четкости, устойчивости и динамичности международно-правового контура своих действий, официально

заявленных целей и задач военно-стратегического присутствия в данной стране, их надлежащего и эффективного выполнения.

Так, например, не выглядели в свое время двусмысленными международно-правовые усилия России по сопровождению урегулирования вооруженного конфликта немеждународного характера на Украине⁸⁰, начавшегося с конца 2013 г., о чем свидетельствует заключение первого Минского соглашения (Протокола) от 05.09.2014, Минского меморандума от 19.09.2014 во исполнение п. 1 Протокола и второго Минского соглашения (официально — Комплекс мер по выполнению Минских соглашений) от 12.02.2015. Однако принятие данных документов положительной роли в урегулировании этого конфликта не сыграло, поскольку вовлеченные стороны долго и непродуктивно высказывали диаметрально противоположные точки зрения на происходящие события, ссылаясь на различные нарушения императивных норм международного права оппонентом⁸¹. Критически усугубляло ситуацию и деятельное присутствие субъектов транснационального капитала и западного политического фактора в государственных органах Украины и даже в некоторых органах государственной власти России, также заинтересованных в эскалации конфликта. С учетом этого Президентом РФ В. В. Путиным, в противовес необоснованному расширению военно-стратегического потенциала стран НАТО на восток, создающих объективные угрозы суверенитету России и нарушению концепции единой и неделимой безопасности в мире, с одной стороны, демилитаризации и денацификации территорий Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики, с другой стороны, было объявлено проведение 24 февраля 2022 г. специальной военной операции.

⁷⁴ Mumford A. Op. cit. P. 13–14.

⁷⁵ Льюис Д. Э. Нормы и подотчетность. Безопасность и международное сотрудничество в киберпространстве // Сборник докладов участников 15-го Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». С. 52.

⁷⁶ Довгань Е. Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер... С. 3–12 ; Попов В. И. Указ. соч. С. 164–212

⁷⁷ Родевич В. Ч., Тупеко С. С. Указ. соч. С. 103–114 ; Самарин В. И. Интерпол. Международная организация уголовной полиции. СПб. : Питер, 2004. С. 202.

⁷⁸ Рувинский Р. З. Указ. соч. С. 283–284.

⁷⁹ Рувинский Р. З. Указ. соч. С. 283–284.

⁸⁰ Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности. С. 208.

⁸¹ Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности. С. 195.

И наконец, важно иметь в виду, к каким результатам привела в итоге специальная операция. Как правило, это становится очевидным по факту ее окончательного завершения, всестороннего анализа и последующей юридической оценки (например, завершение операций «Страж свободы» и «Решительная поддержка» с последующим выходом сил НАТО из Афганистана привело в итоге к реставрации режима талибов, признанных террористической организацией в ряде стран, масштабному развитию форм транснациональной преступности и ее организованных форм — незаконному обороту наркотиков, оружия, торговли людьми, органами человеческого тела и пр.). При этом следует понимать, что реализация специальной операции в условиях глобализации, интегративности информационно-коммуникационных технологий, компартиментализации современного мышления и правосознания, подмены международно-правовых стандартов узко-корпоративными правилами поведения негосударственных субъектов⁸² и связанных с ними представителей органов государств так называемого коллективного Запада создает удобную платформу для односторонних дискуссий и политических манипуляций со стороны указанных бенефициаров, исключающих даже минимальные возможности применения соответствующих международно-правовых норм.

III. Анализ приведенного материала позволяет констатировать, что *международная специальная операция* — это комплекс принудительных мер одностороннего или многостороннего характера, реализуемый правосубъектными участниками в соответствии с международно-правовыми стандартами и сопровождаемый иными не противоречащими им правовыми актами, конкретизирующими позиции участвующих сторон с целью максимального избежания конфликта национальных интересов, нарушений функционирования систем региональной и международной безопасности и обеспечения стратегической стабильности⁸³.

При обосновании легитимности любой специальной операции представляется важным установление факта, насколько она хотя и реализовывалась в соответствии с национальными

интересами и внутренним законодательством, но тем не менее была по сути своей не вопреки духу международного права, его основополагающим принципам и нормам. А существующие нарушения его максимально быстро и системно находили свое правовое, гуманитарное разрешение и формально-логическое обоснование. При этом совершенно не важно, к какому типу относится та или иная международная специальная операция, а имеет значение, какие конечные цели она преследует исходя из концепции всеобщей безопасности, минуя сиюминутные политические конъюнктуры. Особенно принципиально важное значение имеет гуманитарный аспект, а именно акцент на основных правах и свободах человека как базовой ценности и главного условия существования человечества и действенной практике их обеспечения в условиях конфликтных и постконфликтных ситуаций.

При этом имеющиеся отдельные высказывания о снижении роли международного права в урегулировании специальных операций нередко носят оценочный и уничижительный характер, неоправданно изменяющих, а порой и нарушающих правила и стандарты правового поля за счет попыток введения двойных стандартов, привлечения новых (негосударственных) акторов в сферу международных отношений в противовес правосубъектности действующих либо неоправданно расширяющих права действующих акторов за счет или вопреки интересам таких же, но «менее равных» (например, что касается «несостоявшихся государств» (failed-states)).

Манипулирование истинной реальностью современных вызовов, рисков и угроз международной безопасности, стратегической стабильности и национальным интересам в политике отдельных региональных альянсов и объединений сказывается на неоправданном расширении их полномочий и демонстрации в квазиурегулировании международных споров и ситуаций. Международно-правовой инструментарий при этом или явно нарушается, произвольно интерпретируется, или сознательно игнорируется. В этих условиях заявленная цель специальных операций может из легитимной сферы с точки зрения восприятия международного права трансформироваться в узко

⁸² Merkushin V. Non-state actors as quasi-subjects of transnational organised crime: implications for the security of states // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2022. No. 1. P. 66–73.

⁸³ Приведенное авторское определение международных специальных операций не претендует на безусловную универсальность, открыто для дискуссий и обсуждений.

корпоративную плоскость негосударственных субъектов и релевантно связанных с ними официальных должностных лиц.

Предлагаемая формулировка «правовое сопровождение специальных операций» и необходимость ее повсеместного применения вызваны тем, что:

- 1) нередко реализация специальных операций проводится в условиях несоблюдения (полного или частичного) недружественной (противоборствующей) стороной основополагающих принципов и норм международного права;
- 2) действующие международные соглашения, например, в сфере военно-политической, информационной безопасности и др., нередко отстают от реалий современной жизни и не могут адекватно обеспечивать (урегулировать) вновь возникающие спорные ситуации как внутригосударственного, так и международного характера;
- 3) применение имеющегося международно-правового механизма противодействия современным вызовам и угрозам нередко подвержено острой политической конъюнктуре со стороны отдельных государств и их союзников «с более сильным суверенитетом», игнорирования ими внеблокового статуса и концепции неприсоединения других субъектов, либо оспаривание международно-правового признания или непризнания новых субъектов международного права;

4) оперативное решение вновь возникающих оперативно-тактических и даже стратегических задач в ходе проведения специальных операций (демилитаризация, восстановление территорий, борьба с преступностью, защита населения и объектов критически важной инфраструктуры и пр.);

- 5) вынужденная смена цели специальной операции может существенно изменить ее ход, правовое и даже организационное сопровождение, что с высокой долей вероятности изменит также форму и направление последующих действий и их оценок, особенно в условиях политических ограничений.

Применение любого действующего международно-правового инструментария (например, норм международного гуманитарного права, международного уголовного права, международного экологического права, международного ядерного права и др.) в условиях реализации специальной операции необходимо и практически целесообразно. Бесспорно, что выстроенный и динамично развивающийся правовой контур в соответствии с императивными нормами и принципами международного права, усиливаемый позицией сильного суверенитета государства, придает более выгодное и обоснованное звучание действиям государств в конфликтных (критических) ситуациях, даже несмотря на их вынужденное (или приписываемое) совершение международных правонарушений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арчаков В. Ю., Баньковский А. Л., Зенченко Е. В. Даркнет в контексте рисков национальной безопасности // *Право.by*. — 2021. — № 6 (74). — С. 5–10.
2. Баньковский А. Л. К вопросу о концептуализации в сфере национальной безопасности // *Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы международной научной конференции*, Минск, 17 дек. 2021 г. — Минск : БГУ, 2021. — С. 35–39.
3. Бирюков П. Н. *Международное право : учеб. пособие*. — М. : Юрист, 1998. — 258 с.
4. Бисмиллах М. *Международно-правовой механизм урегулирования внутригосударственных конфликтов как юридическая основа политики национального примирения в Афганистане : дис. ... канд. юрид. наук*. — М., 2014. — 159 с.
5. Богуславский М. М. *Международное частное право : учебник*. — М. : Междунар. отношения, 1994. — 416 с.
6. Валеев Д. М. *Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук*. — Казань, 2016. — 227 с.
7. Верлуп С. В. *Национальная безопасность на государственной границе: идеи, мнения, предложения : монография*. — Минск : ВА РБ, 2017. — 156 с.
8. Гавриленко В. Г. *Правовые основы и механизмы обеспечения национальной безопасности и суверенитета Республики Беларусь*. — Минск : Право и экономика, 2019. — 1104 с.

9. Годунов И. В. Противодействие организованной преступности : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 2003. — 497 с.
10. Довгань Е. Ф. Договорные обязательства частей территории государства // Право.by. — 2022. — № 1 (75). — С. 95–103.
11. Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности : монография. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. — 262 с.
12. Довгань Е. Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — № 3. — 2003. — С. 3–12.
13. Жданов Ю. Н. Принудительные меры в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — 258 с.
14. Калугин В. Ю. Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления: уголовно-правовой анализ. — Минск : Тесей, 2002. — 144 с.
15. Карпец И. И. Преступления международного характера. — М. : Юрид. лит., 1979. — 264 с.
16. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 186 с.
17. Купина Н. А. Идеологема «иностраный агент»: три дня в июле 2012 года // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3. — С. 43–48.
18. Льюис Д. Э. Нормы и подотчетность. Безопасность и международное сотрудничество в киберпространстве // Сборник докладов участников 15-го Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». — М., 2021. — С. 51–53.
19. Макаров О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств — участников Содружества Независимых Государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 53 с.
20. Международное публичное право. Особенная часть : учеб. пособие. — Минск : Амалфея, 2011. — 688 с.
21. Милинчук В. В. Санкции СБ ООН как механизм обеспечения международно-правовой ответственности государств в сфере борьбы с транснациональной преступностью // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 8. — С. 211–216.
22. Михайлов Н. Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники, права, основные принципы деятельности. — М. : Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. — 267 с.
23. Мороз Н. О. Пропаганда войны в современном международном праве // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности : материалы междунар. науч. форума. — Минск : БГУ, 2020. — С. 16–29.
24. Мороз Н. О. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий : монография. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. — 266 с.
25. Овчинский В., Жданов Ю. Организованная киберпреступность // URL: https://zavtra.ru/blogs/organizovannaya_kiberprestupnost_ (дата обращения: 26.06.2022).
26. Попов В. И. Актуальные проблемы борьбы с наиболее опасными проявлениями организованной преступности : монография. — М. : СГУ, 2004. — 435 с.
27. Родевич В. Ч., Тулько С. С. Транснациональная преступность: теория и практика борьбы в Республике Беларусь. — Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2012. — 143 с.
28. Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. — СПб. : Алетейя, 2020. — 350 с.
29. Самарин В. И. Интерпол. Международная организация уголовной полиции. — СПб. : Питер, 2004. — 202 с.
30. Смирнов М. Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2014. — 208 с.
31. Трахименок С. А. Безопасность государства. Методолого-правовые аспекты : монография. — Минск : Бел. изд. тов-о «Хата», 1997. — 192 с.
32. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. — М. : Юрлитинформ, 2002. — 560 с.
33. Фисенко И. В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. — Минск : Тесей, 2000. — 336 с.
34. Хилл Т. И. Современные теории познания : пер. с англ. — М. : Прогресс, 1965. — 533 с.
35. Allison R. Russian Revisionism, Legal Discourse and the 'Rules-Based' International Order // Europe-Asia Studies. — 2020-07-02. — Т. 72. — Vol. 6. — P. 976–995. — ISSN 0966–8136. — DOI: 10.1080/09668136.2020.1773406.

36. Bilms K. Past as Prelude? Envisioning the Future of Special Operations // URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/11/12/past-as-prelude-envisioning-the-future-of-special-operations> (дата обращения: 27.06.2022).
37. Brailey M. The Transformation of Special Operations Forces in Contemporary Conflicts: Strategy, Missions, Organisation and Tactics. — Land Warfare Studies Centre. Working Paper. No. 127. November 2005. — 64 p.
38. Bowman M. E. Secrets in Plain View: Covert Action the US Way // International Law Studies Series. US Naval War College 72(1998):1. — 16 p.
39. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. — Cambridge University Press, 2009. — 384 p.
40. Frank T. M. Collective security and the UN reform: between the necessary and possible // Chicago J. of Intern. Law. — 2005. — Vol. 2. — P. 597–611.
41. Merkushin V. V. Non-state actors as quasi-subjects of transnational organised crime: implications for the security of states // Journal of the Belarusian State University. International Relations. — No. 1 (2022). — P. 66–73.
42. Mumford A. Proxy Warfare. — Cambridge : Polity Press, 2013. — 141 p.
43. Neuhold H. Collective security after «Operation allied force» // Max Planck Yearbook of United Nations Law. — Vol. 4. — 2000.
44. Neuman G. L. Anomalous Zones // Stanford Law Review. — 1996. — Vol. 48. — № 5.
45. Perisic P. Invitation by Intervention — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? — URL: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29>.
46. The continued use of the statute [FARA] as a subversive control act means that the term «foreign agent» will continue to carry pejorative connotations // Harvard Law Review. — T. 78. — № 3. — January 1965.
47. Robinson L. The Future of Special Operations: Beyond Kill and Capture // Foreign Affaires. — 2012. — 91. — No. 6. — Nov. — Dec.
48. Virally M. Panorama du droit contemporain // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1983. — V. Dordiecht: Martinus Nijhoff, 1985. — Vol. 183.
49. Visser L. Intervention by invitation and collective self-defence: two sides of the same coin? // Journal on the Use of Force and International Law. — 2020-07-02. — T. 7. — Iss. 2. — P. 292–316. — ISSN 2053-1702. — DOI: 10.1080/20531702.2020.1834767.
50. Wirt J. J. The Abbottabad raid and the theory of special operations // Journal of Strategic Studies. — 2021. — DOI: 10.1080/01402390.2021.1933953.

Материал поступил в редакцию 16 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Archakov VYu, Bankovskiy AL, Zenchenko EV. Darknet v kontekste riskov natsionalnoy bezopasnosti [Darknet in the context of national security risks]. *Pravo.by*. 2021;6(74):5-10. (In Russ.).
2. Bankovskiy AL. K voprosu o kontseptualizatsii v sfere natsionalnoy bezopasnosti [On the issue of conceptualization in the field of national security]. In: *Sovremennyy mir i natsionalnye interesy Respubliki Belarus: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Minsk, 17 dek. 2021 g. [The Modern World and the National interests of the Republic of Belarus: Proceedings of the International Scientific Conference, Minsk, 17 Dec. 2022]. Minsk: BSU Publ.; 2021. Pp. 35–39. (In Russ.).
3. Biryukov PN. *Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. posobie* [International law: A study guide]. Moscow: Yurist Publ.; 1998. (In Russ.).
4. Bismillakh M. *Mezhdunarodno-pravovoy mekhanizm uregulirovaniya vnutrigosudarstvennykh konfliktov kak yuridicheskaya osnova politiki natsionalnogo primireniya v fganistane: dis. ... kand. yurid. nauk* [The international legal mechanism for the settlement of intra-state conflicts as the legal basis for the policy of national reconciliation in Afghanistan. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2014. (In Russ.).
5. Boguslavskiy MM. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik* [International private law: A textbook]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ.; 1994. (In Russ.).
6. Valeev DM. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva po borbe s transnatsionalnoy organizovannoy prestupnostyu: dis. ... kand. yurid. nauk* [International legal bases of cooperation in combating transnational organized crime. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Kazan; 2016. (In Russ.).

7. Verlup SV. Natsionalnaya bezopasnost na gosudarstvennoy granitse: idei, mneniya, predlozheniya: monografiya [National security at the state border: Ideas, opinions, proposals. A monograph]. Minsk: VA RB Publ.; 2017. (In Russ.).
8. Gavrilenko VG. Pravovye osnovy i mekhanizmy obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti i suvereniteta Respubliki Belarus [Legal bases and mechanisms for ensuring national security and sovereignty of the Republic of Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika Publ.; 2019. (In Russ.).
9. Godunov IV. Protivodeystvie organizovannoy prestupnosti: ucheb. posobie [Countering organized crime: A study guide]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 2003. (In Russ.).
10. Dovgan EF. Dogovornye obyazatelstva chastey territorii gosudarstva [Contractual obligations of parts of the territory of the State]. *Pravo.by*. 2022;1(75):95-103. (In Russ.).
11. Dovgan EF. Mezhdunarodnye organizatsii i podderzhanie mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti: monografiya. [International organizations and the maintenance of international peace and security: A monograph]. Minsk: Mezhdunar. un-t «MITSO»; 2016. (In Russ.).
12. Dovgan EF. K voprosu o pravomernosti vooruzhennykh antiterroristicheskikh mer v kontekste printsipa nevmeshatelstva vo vnutrennie dela gosudarstv [On the question of the legality of armed anti-terrorist measures in the context of the principle of non-interference in the internal affairs of states]. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Belarusian Journal of International Law and International Relations]. 2003;3:3-12. (In Russ.).
13. Zhdanov YuN. Prinuditelnye mery v mezhdunarodnom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk [Coercive measures in international law. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 1999. (In Russ.).
14. Kalugin VYu. Prestupleniya protiv mira, bezopasnosti chelovechestva i voennye prestupleniya: ugolovno-pravovoy analiz [Crimes against peace, human security and war crimes: Criminal law analysis]. Minsk: Tesey Publ.; 2002. (In Russ.).
15. Karpets II. Prestupleniya mezhdunarodnogo kharaktera [Crimes of an international nature]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1979. (In Russ.).
16. Kritsiy KV. Sanktsii i odnostoronnie ogranichitelnye mery v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk [Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2019. (In Russ.).
17. Kupina NA. Ideologema «inostranny agent»: tri dnya v iyule 2012 goda [Ideologeme «foreign agent»: three days in July 2012]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2012;3:43-48. (In Russ.).
18. Lewis DE. Normy i podotchetnost. Bezopasnost i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v kiberprostranstve [Rules and accountability. Security and international cooperation in cyberspace]. In: Sbornik dokladov uchastnikov 15-go Mezhdunarodnogo foruma «Partnerstvo gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshchestva pri obespechenii mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti» [Collection of reports of the participants of the 15th International Forum «Partnership of the state, business and Civil Society in ensuring international information security»]. Moscow; 2021. Pp. 51–53. (In Russ.).
19. Makarov OS. Pravovoe obespechenie informatsionnoy bezopasnosti na primere zashchity gosudarstvennykh sekretov gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Legal provision of information security based on the case of the protection of state secrets of the member states of the Commonwealth of Independent States. Abstract of the Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2014. (In Russ.).
20. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Osobennaya chast: ucheb. posobie [Public International Law. Special part. A study guide]. Minsk: Amalfea Publ.; 2011. (In Russ.).
21. Milinchuk VV. Sanktsii SB OON kak mekhanizm obespecheniya mezhdunarodno-pravovoy otvetstvennosti gosudarstv v sfere borby s transnatsionalnoy prestupnostyu [UN Security Council sanctions as a mechanism to ensure the international legal responsibility of states in the fight against transnational crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2011;8:211-216. (In Russ.).
22. Mikhaylov NG. Mezhdunarodnyy ugolovnyy tribunal po byvshey Yugoslavii: kompetentsiya, istochniki, prava, osnovnye printsipy deyatel'nosti [The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia: Competence, sources, rights, basic principles of activity]. Moscow: Publishing house of Shumilova II; 2006. (In Russ.).
23. Moroz NO. Propaganda voyny v sovremennom mezhdunarodnom prave [Propaganda of war in modern international law]. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo glazami belorusskoy obshchestvennosti: materialy mezhdunar. nauch. foruma [International humanitarian law through the eyes of the Belarusian public: Proceedings of the International scientific forum]. Minsk: BSU Publ.; 2020. Pp. 16–29. (In Russ.).
24. Moroz NO. Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo v borbe s prestupnostyu v sfere vysokikh tekhnologiy: monografiya [International legal cooperation in the fight against crime in the field of high technologies: A monograph]. Minsk: Mezhdunar. un-t «MITSO»; 2017. (In Russ.).

25. Ovchinsky V, Zhdanov Yu. Organizovannaya kiberprestupnost [Organized cybercrime]. Available from: https://zavtra.ru/blogs/organizovannaya_kiberprestupnost_ [cited: June 26, 2022]. (In Russ.).
26. Popov VI. Aktualnye problemy borby s naibolee opasnymi proyavleniyami organizovannoy prestupnosti: monografiya [Current problems of combating the most dangerous manifestations of organized crime: A monograph]. Moscow: SGU Publ.; 2004. (In Russ.).
27. Rodevich VCh, Tupeko SS. Transnatsionalnaya prestupnost: teoriya i praktika borby v Respublike Belarus [Transnational crime: theory and practice of struggle in the Republic of Belarus]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2012. (In Russ.).
28. Ruvinskiy RZ. Pravoporyadok v period globalnogo krizisa: transformatsii, tendentsii, ugrozy [The rule of law during the global crisis: transformations, trends, threats]. St. Petersburg: Aletya Publ.; 2020. (In Russ.).
29. Samarina VI. Interpol. Mezhdunarodnaya organizatsiya ugovnoy politzii [Interpol. International Criminal Police Organization]. St. Petersburg: Peter Publ.; 2004. (In Russ.).
30. Smirnov MG. Vooruzhennyy konflikt nemezhdunarodnogo kharaktera: mezhdunarodno-pravovoy aspekt: monografiya [Non-international armed conflict: international legal aspect. A monograph]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2014. (In Russ.).
31. Trakhimenok SV. Bezopasnost gosudarstva. Metodologo-pravovye aspekty: monografiya [State security. Methodological and legal aspects. A monograph]. Minsk: Bel. izd. tov-o «Hata»; 1997. (In Russ.).
32. Ustinov VV. Mezhdunarodnyy opyt borby s terrorizmom: standarty i praktika [International experience in combating terrorism: standards and practice]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2002. (In Russ.).
33. Fisenko IV. Borba s mezhdunarodnymi prestupleniyami v mezhdunarodnom ugovnom prave [Combating international crimes in international criminal law]. Minsk: Tesey Publ.; 2000. (In Russ.).
34. Hill TI. Sovremennyye teorii poznaniya [Contemporary Theories of Knowledge]. Trans. from English. Moscow: Progress Publ.; 1965. (In Russ.).
35. Allison R. Russian Revisionism, Legal Discourse and the 'Rules-Based' International Order. *Europe-Asia Studies*. 2020;72(6):976-995. ISSN 0966-8136. DOI: 10.1080/09668136.2020.1773406.
36. Bilms K. Past as Prelude? Envisioning the Future of Special Operations. Available from: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/11/12/past-as-prelude-envisioning-the-future-of-special-operations> [cited June 27, 2022].
37. Brailey M. The Transformation of Special Operations Forces in Contemporary Conflicts: Strategy, Missions, Organisation and Tactics. Land Warfare Studies Centre. Working Paper. No. 127. November 2005.
38. Bowman ME. Secrets in Plain View: Covert Action the US Way. *International Law Studies Series. US Naval War College*. 1998;72:1-16.
39. Buzan B, Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge University Press; 2009.
40. Frank TM. Collective security and the UN reform: Between the necessary and possible. *Chicago J. of Intern. Law*. 2005;2:597-611.
41. Megkishin VV. Non-state actors as quasi-subjects of transnational organised crime: implications for the security of states. Journal of the Belarusian State University. *International Relations*. 2022;1:66-73.
42. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press; 2013.
43. Neuhold H. Collective security after «Operation allied force». *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. 2000;4.
44. Neuman GL. Anomalous Zones. *Stanford Law Review*. 1996;48(5).
45. Perisic P. Invitation by Intervention — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? Available from: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29> [cited June 27, 2022].
46. The continued use of the statute [FARA] as a subversive control act means that the term «foreign agent» will continue to carry pejorative connotations. *Harvard Law Review*. 1965;78(3).
47. Robinson L. The Future of Special Operations: Beyond Kill and Capture. *Foreign Affairs*. 2012;91(6).
48. Virally M. Panorama du droit international contemporain. Cours général de droit international public (Volume 183). In: Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Available from: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrhc_A9789024732487_01 [cited June 27, 2022].
49. Visser L. Intervention by invitation and collective self-defence: two sides of the same coin? *Journal on the Use of Force and International Law*. 2020;7(2):292-316. ISSN 2053-1702. DOI: 10.1080/20531702.2020.1834767.
50. Wirt JJ. The Abbottabad raid and the theory of special operations. *Journal of Strategic Studies*. 2021. DOI: 10.1080/01402390.2021.1933953.